сматривалась в рамках конференции «ЕС и Россия: переосмысливая социальные вызовы после глобального экономического кризиса». Одним из важнейших разделов конференции был «Миграция, общие выводы для ЕС и России».

По мнению Валерия Тишкова, директора Института этнологии и антропологии РАН (Москва), все страны выигрывали и выигрывают по сравнению с теми, которые не принимают мигрантов. «Миграция всегда была условием социальной эволюции... Заявления некоторых политиков в Европе о крахе мультикультурализма нанесли огромный урон нашим усилиям по созданию мультикультурного общества. На этих заявлениях играют националисты, когда требуют ограничить право людей на передвижение — право, закрепленное в нашей конституции. Между тем это ...одно из основополагающих завоеваний демократии, и его надо сохранять».

Райнер Мюнц, глава отдела исследований и разработок банковской группы Erste Group Bank AG (Австрия), подтвердил, что в Европе актуальны настроения об ограничении миграции. Однако многие получают от этого преимущества: «95% населения в Европе выступает против незаконной миграции и хочет, чтобы государства с этим боролись. Но и они же хотят, чтобы кто-то ухаживал за их пожилыми родителями. В ближайшее время мы окажемся в ситуации, когда будет много пенсионеров и мало граждан трудоспособного возраста, которые будут их обеспечивать. Поэтому нужно вести дискуссии и соз давать стратегию на будущее, необходимо продолжать обсуждение, чтобы понять, почему миграция является необходимостью, и эти аргументы не должны ограничиваться общей риторикой». Как отмечает ученый, «задача государства и институтов гражданского общества в том, чтобы политические дебаты вокруг миграции, вокруг национального вопроса не зашкаливали до степени ненависти к людям другой культуры, тем более не доходили до стадии насилия».

Материал подготовлен на основе публикаций «Российской газеты», «Парламентской газеты», официального сайта Мирового политического форума «Современное государство в эпоху социального многообразия»

Отари АРШБА

Последствия современных миграционных процессов

В конце XX–начале XXI вв. миграция как социальное явление претерпевает фундаментальные изменения. Она оказывает глубокое влияние на все сферы жизни западных стран (как принимающих обществ) – на их политику, экономику и культуру.

Отари АРШБА – председатель Комитета по регламенту и организации работы Государственной Думы Федерального Собрания РФ, кандидат политических наук

В европейских странах современная иммиграционная ситуация характеризуется следующими тенденциями:

– ускоряется рост географической концентрации иммигрантов;

– нарушается относительная культурная гомогенность западноевропейских стран: иммигранты в основном – выходцы из стран с исламской культурой;

– растет стремление трудовых иммигрантов обосноваться в принимающем обществе;

– демографическая активность иммигрантов ведет к росту рождаемости в семьях иноэтничных групп населения;

– слаженные системы социального благосостояния европейских государств испытывают значительные сложности – нарушаются пределы «допустимой нагрузки» на социальное государство;

– расизм и ксенофобия становятся характерной чертой европейских обществ.

Как эти тенденции проявляются в Европе, рассмотрим на примере Германии, официально признавшей себя страной иммиграции по примеру США, Канады, Австралии.

На протяжении многих десятилетий политика немецкого государства ориентировалась на концепцию мультикультурализма. Государство брало на себя субсидирование широкой программы интеграции иммигрантского населения в немецкое социокультурное пространство. Важной вехой в этих устремлениях по интеграции было принятие федерального закона «Об иммиграции» («Zuwanderungsgesetz») в июле 2004 г., который обязывал практически всех неинтегрированных жителей страны (с так называемым

«миграционным фоном») к прохождению специальных языковых и страноведческих курсов, а также давал возможность бесплатного обучения на них почти всем желающим. С принятием этого закона немецкое государство впервые сняло ограничения по трудоустройству и получению ПМЖ для выпускников немецких вузов, прибывших из других стран.

Но за последние десятилетия немецкое общество стало более гетерогенным в этнокультурном и религиозном аспектах. Каждый пятый проживающий в Германии – это человек с иммигрантскими корнями («Migrationshintergrund)». Среди молодежи младше 15 лет доля иммигрантов и их потомков составляет даже 30%, из которых 22,3% – этнические турки [1, с.61]. Немецкое общество озабочено тем, что эта часть населения страны («Migrationshintergund») социокультурную интеграцию проходит с разным успехом. Если мигранты из Восточной Европы и Азии (например, переселенцы из Польши и российского Поволжья или вьетнамцы, индийцы) интегрируются успешно, быстро овладевают языком и находят свое место на рынке труда (дети вьетнамских гастарбайтеров, в свое время приехавших в ГДР, имеют лучшие аттестаты зрелости, чем этнические немцы), то иммигранты из бывшей Югославии (Боснии, Косово), Турции и арабских стран, которые и формируют ядро интеграционной проблемы, испытывают большие трудности в системе образования и на рынке труда.

В условиях глубокого мирового экономического кризиса к проблемам социального обеспечения безработных этнических немцев – особенно в восточной части страны (в «новых» землях) – прибавилась тяжелая ноша по поддержке иммигрантского населения Германии.

Оппоненты федерального правительства оценивают нынешнее состояние интеграционных процессов в немецком обществе как катастрофическое. Главную беду для немецкой культуры они видят в том, что во многих немецких городах возникли параллельные общества (культурные «гетто»), где – турецкое, а где – арабское. Показателен пример одного из крупнейших районов Берлина – Нойкельн. Около половины нойкельнского населения – иммигранты, а в школах они составляют 80-100%. Почти 60% молодежи до 25 лет живет на социальные трансферты, т. е. нигде не работает. Ситуация усугубляется правилом, в соответствии с которым если хотя бы один член семьи имеет немецкое гражданство, то весь семейный клан не подлежит высылке по «выдворению» на историческую родину.

Нередко случается, что курды из Турции на судебных слушаниях по заявлениям на получение политического убежища успешно выдают себя за жителей Ливана и приобретают статус беженцев, а вместе с ним и право на все социальные пособия. Только по одному району Нойкельн при рассылке налоговых бланков было обнаружено 10 тысяч фальшивых адресов. На проживание в однокомнатной квартире было зарегистрировано 60 жильцов одновременно («прописка» в Германии уведомительная). Суды Нойкельна завалены заявлениями и жалобами о преступлениях разной степени тяжести. В целом доля иммигрантов среди заключенных в тюрьмах страны составляет до 70% [1, с.300-303].

На этом фоне не утихают споры о политико-правовых, этических, экономических регуляторах глобальных миграционных процессов. Кто прав? Английский социолог Зигмунт Бауман, который утверждает, что «стремление голодных, отправляющихся туда, где еды в изобилии, вполне естественно с точки зрения любого разумного человека» и «совесть подсказывает, что правильным и нравственным поступком было бы позволить им удовлетворить это стремление»? [2]. Или немецкий политик и автор нашумевшей книги о «самоликвидации Германии», Тило Саррацин, который считает, что иммиграционная ситуация в европейском регионе, и в частности в Германии, создает прямую угрозу существованию немецкого государства?

Описывая возможные сценарии последствий иммиграционного давления на внутреннюю политику немецкого государства, Т. Саррацин конструирует кошмарный проект будущей Германии. Вот как это выглядит. Для живущих в стране иммигрантов отменяется обязательное владение немецким языком. Министр здравоохранения поощряет низкую рождаемость среди этнических немок в связи с проблемой перенаселения земного шара и загрязнения окружающей среды. В городах Рурской области, где наиболее компактно проживают этнические турки, их партии формируют местные правительства, набрав наибольшее количество голосов на выборах. К 2015 г. иммиграционное законодательство меняется так, что все иммигранты (экономические беженцы из Африки и стран Ближнего Востока, а также члены семей уже живущих в Германии иностранцев) могут автоматически через шесть месяцев получить бессрочный вид на жительство, если только они не совершили уголовное преступление. К 2037 г. министерство образования отказывается от немецкого как основного языка преподавания в немецких школах, потому что для большинства детей родным является турецкий или арабский, а права человека требуют, чтобы их не заставляли на уроках изъясняться на не родном им немецком языке. В 2045 г. при выборах в бундестаг (парламент Германии) одна треть избирателей – мусульмане, а еще через 20 лет их – уже половина. К середине XXI в. происходит разрушение зданий немецких церквей, средневековых замков и музеев: растущее число мусульманских граждан этими культурными ценностями не интересуется. К концу XXI в. уровень жизни в Германии снижается до такой степени, что даже отстает от Китая и Индии.

Такому мрачному сценарию Т. Саррацин и его сторонники противопоставляют свой проект борьбы с последствиями иммиграции в Германии. Среди важнейших мер не только немецкого государства, но и Европейского союза – снижение общей иммиграционной квоты до 100 тысяч в год на весь ЕС, ужесточение правил приема членов семьей иммигрантов. Ключевым инструментом ограничения иммиграции может быть исключение вновь прибывающих иммигрантов из всех систем социального обеспечения Германии на первые десять лет пребывания. Необходимо простимулировать увеличение рождаемости среди этнических немок, поднять ее уровень с нынешних 1,4 до 2,1 ребенка на женщину путем специальных поощрений рожениц – особенно тех, у кого есть высшее образование.

Немецкое государство должно инвестировать в создание системы обязательных детских садов и школ продленного дня с горячим питанием, что дает женщинам возможность днем работать, а не сидеть дома и получать социальное пособие. Принципиальным является вопрос углубленного изучения немецкого языка детьми иммигрантов в школах. Интеграцию инокультурного населения, по мнению Т. Саррацина, можно было бы считать завершенной, если бы к середине XXI в. на улицах городов встречалось бы все меньше женщин в платках, а турецкая и арабская речь слышались бы реже.

Несмотря на масштабную критику «политкорректных» политиков и журналистов, судя по интернет-опросам, немецкие сторонники жесткой политики в отношении иммигрантов получили поддержку огромного количества простых граждан, из которых от 40% до 60% приветствуют позицию Т. Саррацина и его последователей. Предлагаются такие радикальные меры социальной и культурной политики в отношении иммигрантского населения, как:

• общественно полезные работы для всех получателей социальной помощи, в т. ч. иммигрантов, если только они не нуждаются в языковом курсе, который должен быть для них обязательным. В случаях игнорирования подобных курсов – штрафовать иммигранта путем вычета из социального пособия;

• обязательное посещение детских садов детьми из иммигрантских семей, если они плохо знают немецкий язык. Именно немецкий язык в дошкольных учреждениях должен быть рабочим;

• запрещение ношения женских мусульманских головных уборов в школах, и запрещение освобождать мусульманских девочек от занятий физкультурой без медицинских оснований;

• усложнение стандартов по языковому тесту для получения немецкого гражданства и вида на жительство в случае бракосочетания с партнером из стран происхождения или третьих стран. Лишение вновь прибывших супругов права на получение социального пособия на первые десять лет;

• ужесточение иммиграционной политики, получение «рабочей» визы в Германию только высококвалифицированными специалистами требуемых в стране профессий.

В демографической пирамиде немецкого общества заметно, что миграция в определенной мере смягчила негативные тенденции резкого снижения рождаемости в стране. Так, среди 65-летних только 10% иммигрантов, среди 40-летних – 17%, а среди молодых женщин репродуктивного возраста уже 40%. При этом именно среди последних наблюдается низкий уровень образования и профессиональной квалификации. Они же являются основной группой, получающей социальные пособия от государства. Критики иммиграционной политики обращают внимание на страновую структуру получателей социальных трансфертов. Это 6% этнических немцев, 12% иммигрантов из европейских стран, 12% немецких переселенцев с Поволжья, 13% из Юго-Восточной Азии, 15% из Турции, 18% из Боснии и Косово, 24% из африканских стран, в том числе арабских [1, с.63]. Эта статистика демонстрирует основные «группы риска» среди населения, живущего на социальные пособия от государства.

Проблема социальных трансфертов, как одна из сложнейших проблем социальной защиты населения в стране, не в последнюю очередь связывается с вопросами рождаемости, что подводит критиков правительства к выводу о том, что иммигрантское население Германии является, как надеялись, не демографическим спасением, а катастрофой для социальной политики немецкого государства, если правительство не откажется от прежних постулатов своей социальной системы.

Как показывают результаты социологических исследований, жители страны с низким уровнем образованности мало интересуются общественной жизнью. 57% опрошенных утверждали, что им все равно, что происходит в обществе вокруг них. Показательно, что 43% представителей низших социальных слоев считают, что за все, что происходит в их жизни (труд, учеба, безработица, достаток в семье), отвечает государство, а не они сами. Исследователи, да и политики в Германии, уже давно говорят о сложившемся «особом» менталитете «профессионального» получателя социальных пособий. При этом 95% респондентов из всех социальных слоев согласны с тем, что шансы на хорошее будущее напрямую зависят от уровня образования. В то же время только 33% респондентов из низших социальных слоев поощряют своих детей к образованию и занятиям спортом [3].

Не углубляясь в обсуждение по поводу определения понятия «бедность», можно заметить, что «бедные» получатели социального пособия в Германии живут на самом деле не совсем бедно. Они могут позволить себе жить во вполне приличном и хорошо отапливаемом социальном жилье, пользоваться медицинскими услугами на базе

государственной страховки, покупать нормальную одежду, питаться полноценно и отдавать на общих правах своих детей в бесплатные детсады, школы, а также поступать в вузы Германии. «Социальные карты» от государства гарантируют им бесплатный доступ к библиотекам, музеям и льготные билеты на общественный муниципальный транспорт.

Критики социальной политики государства уверены в том, что проблема не в малом размере социальных выплат, а в том, что социальные пособия в стране мало отличаются от размера минимальной оплаты труда. В результате работающий человек получает часто немногим больше неработающего, у которого нет стимула быть активным на легальном рынке труда. Главным способом борьбы с бедностью видится создание рабочих мест и резкое сокращение государственных расходов на социальные трансферты. Ведь зависимость от социальных трансфертов только увеличивает чувство ущемленности и ненужности людей, скованных положением получателей социального пособия, и плодит новые подобные поколения.

Наряду с такой психологической составляющей вопроса, есть и чисто экономическая проблема. Анализ состояния немецкой экономики на современном этапе, несмотря на нынешний краткосрочный период ее подъема (благодаря государственной поддержке правительства А. Меркель), показывает, что в условиях глобализации Германии все меньше удается сохранять рабочие места для своего населения, поддерживать высокий уровень производительности и оплаты труда. Если в 1960 г. в ФРГ еще 62% трудящихся были заняты в сфере промышленного производства, строительства, различных ремесел и в сельском хозяйстве, то в 2008 г. эта цифра снизилась до 27,4%. Рабочие места «мигрируют» в сферу услуг, где многие малоквалифицированные работники получают такие низкие зарплаты, что нуждаются в дополнительных социальных трансфертах. Виной тому, считают многие, в первую очередь высокая доля неполных ставок и почасовой работы (в торговле, медицине, образовательных учреждениях), а также система «временных» работников в агентствах по трудоустройству, где крайне низкие почасовые ставки. Рынок труда в Германии стал более дифференцированным, сложным и во многом несправедливым. Доля трудящихся на полных ставках уже упала до 66%, и – как считают эксперты – она будет падать и дальше. Абсурдность системы социального обеспечения, по мнению критиков немецкой социальной политики, состоит в том, что в стране уже можно не работать, но при этом иметь доходы в 60% от МРОТ. Ведь такой доход здесь дают социальные выплаты. Выгоднее жить на социальные трансферты и подрабатывать в теневой экономике.

Если бы не «королевских» размеров пособия, считает Т. Саррацин и его сторонники, то немцы (и этнические немцы, и иммигранты) устраивались бы на какую-нибудь работу, хоть и низко оплачиваемую. Как промежуточную меру предлагается ввести по образцу США и Нидерландов обязательный общественно-полезный труд для получателей социальной помощи (программы «workfare»). Кроме того, следует отказаться от пагубной традиции бесконечных переквалификаций безработных на дорогостоящих курсах, так как у данной целевой группы эти переобучения не приводят к желаемому результату. Нет никаких доказательств того, что по окончании курсов по переквалификации безработные легче устроются на работу.

Однако все эти предложения идут вразрез с содержанием социальной политики немецкого правительства. Независимо от того, какая партия стоит у власти – христианские демократы (CDU) или социал-демократы (SPD), – на протяжении нескольких десятилетий социальная политика не претерпевала больших изменений, несмотря на мощное давление иммиграционного фактора и глобализационных процессов.

В настоящее время около 8 млн человек, живущих в ФРГ, являются «иностранцами» («Auslaender»), более 4 млн – «переселенцами» («Aussiedler»). С рекрутированием иностранной рабочей силы в ФРГ было покончено с 1973 г., но число иностранцев в стране значительно увеличилась. Примечателен тот факт, что в поисках работы в ФРГ прибыло 22% всех мусульманских иммигрантов, а 60% мусульман в стране появились как члены семей, получившие въездные визы в рамках политики «воссоединения семей» и защиты прав человека. Эти иммигранты и являются «нежелательными», в особенности для системы социальной помощи, поскольку пределы «допустимой нагрузки» на социальное государство оказываются под большой угрозой. Немецкое государство старается сегодня предотвратить возможные претензии «неграждан» на государственную поддержку и социальную помощь. Именно логика государства благополучия во многом определяет и ограничивает возможности иммиграционной политики ФРГ [4].

Как в ФРГ, так и в других странах ЕС миграционная политика предусматривает ряд мер для ограничения и уменьшения права на социальное участие такой категории иммигрантов, как беженцы, временный характер пребывания которых становится основанием сведения до минимума любых форм социальной помощи. Именно беспрецедентный рост во всех странах ЕС числа беженцев, которые становятся реципиентами социальной помощи, стимулирует политику ограничения миграции.

Для ограничения потока прибывающих с целью получения статуса «имеющего убежище», т. е. беженца, страны ЕС выработали ряд согласованных мер. Шенгенское соглашение и Дублинская конвенция привели к введению жестких визовых требований для въезжающих в ЕС жителей стран «Non-EU».

Некогда либеральное законодательство ужесточили практически все страны ЕС. Теперь иммигранты-неграждане стран ЕС могут попасть в ту или иную страну, только если у них есть определенная работа. При этом они должны иметь разрешение на пребывание, которое можно получить лишь при условии, что трудовой договор с работодателем заключен как минимум на два года.

Ограничительная стратегия включает концепцию «третьего безопасного государства». В соответствии с ней иммигранты, получившие отказ в предоставлении статуса беженца, будут «возвращены», т. е. депортированы на родину. В тех случаях, если депортированным грозит политическое преследование дома или смертная казнь, они направляются в «третью» страну, где им ничего не угрожает. Находясь там, в «третьих» странах, они могут опротестовать принятое в стране ЕС решение об отказе.

Иммиграционные процессы имеют сходные последствия почти во всех европейских странах. Демографические проблемы привели к тому, что за последние 45 лет рождаемость в Европе упала на 35%, в том числе во Франции на 12%, в Великобритании на 24%, в Италии на 41%, а в Германии на 49%. И это в то время, когда во всем мире за этот срок рождаемость увеличилась почти на 23%, а в США на 3%.

Перспектива «самоликвидации» немецкого национального государства, вызвавшая такую бурную общественную дискуссию после публикации книги Т. Саррацина, подвергается жесткой критике со стороны правозащитников, активистов мусульманских культурных и общественных организаций, сторонников концепции мультикультурализма. Раздаются обвинения в разжигании межнациональной, межрелигиозной и межрасовой розни. Однако широкая поддержка, оказанная Т. Саррацину и его сторонникам среднестатистическими немцами, свидетельствует о том, что иммиграционная проблематика затрагивает самый нерв современного общественно-политического дискурса.

Литература

1. *Thilo Sarrazin.* Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. (Тило Саррацин. Германия самоликвидируется. Как мы рискуем своей страной.) Мюнхен, 2010.
2. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М, 2004. С.109.
3. Institut für Demoskopie Allenbach Soziale Differenzierung, eine Repräsentativbefragung der Bevölkerung im Frühjahr 2006, S.4.
4. *Радтке Ф.-О.* Между дерегуляцией и дискриминацией // Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб., 2004. С.9.

Владимир ЗОРИН

Кавказ. Гуманитарные аспекты гармонизации политики

Начало в «ГС» № 3, 2011

В первой части статьи рассматривается современная ситуация на Кавказе (социально-экономическое положение населения, криминогенная и коррупциогенная обстановка, идеологическая конфликтогенность образовательно-информационной среды, низкая активность неправительственных организаций) и предлагается система методов ее исправления, именуемая автором асимметричным ответом.

Невольно возникает вопрос – а есть ли выход из создавшейся ситуации? Ответить на этот вопрос можно, если рассматривать социум не как поле для тотального культивирования конкуренции в различных базовых отношениях, что порой выглядит как самоцель, поскольку не выполняются основные условия цивилизованной состязательности. Следует обратиться к проблеме устойчивого развития социума в условиях конкурентной динамики, где наряду с конкурентными механизмами действуют механизмы солидарности. Напомним, что многие классики социологической науки (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Э. Мэйо, Р. Мертон, Э. Пестель и др.) считали эти механизмы ведущими в организации и прогрессивном развитии общества.

Прежде всего следует включить такого рода механизмы, которые резко снизят накал конкурентных начал в системе экономических и политических отношений. Но не в пользу какого-то монопольного субъекта (государства, бюрократии, элиты, этноса), а в сторону демонополизации, уравнивания возможностей разных субъектов. Очевидно, что анализ этих механизмов представляет специальную тему.

Далее. Вряд ли удастся добиться большей солидаризации общества, если делать упор только на ценностные, идеологические начала в виде поиска общей идеологии,

Владимир ЗОРИН – заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН, доктор политических наук, профессор